

РАЗБОРЪ

„ИНСТРУКЦІИ ДЛЯ ДѢЙСТВІЯ РОТЫ И БАТАЛІОНА ВЪ БОЮ.“

Измѣненія въ тактикѣ пѣхотнаго боя, вызванныя войною 1870—1871 годовъ, побудили главный комитетъ по устройству и образованію войскъ, весною 1877 года, приступить къ составленію «Инструкціи для дѣйствія пѣхоты въ разсыпномъ строѣ», которая подъ нѣскольکو измѣненнымъ, сообразно существу дѣла, заглавіемъ «Инструкціи для дѣйствія роты и баталіона въ бою» предлагается теперь вмѣстѣ съ объяснительной запиской на обсужденіе людей, интересующихся предметомъ. Считаемъ своимъ долгомъ отозваться на это приглашеніе «Военнаго Сборника».

Начнемъ съ «Объяснительной записки». Мы полагаемъ, что проявленіе нашими войсками въ послѣднюю войну привычекъ, не вполне отвѣчающихъ тактикѣ скороваряднаго оружія, несправедливо приписано уставу, изданному до франко-германской войны; не говоря уже о томъ, что вторая часть (¹) этого устава (Ротное ученье), издана въ послѣдній разъ въ 1874 г., т. е. три года послѣ войны, нельзя не замѣтить и того, что дѣло не въ уставѣ, а въ томъ какъ его примѣняютъ при мирныхъ занятіяхъ войскъ. Лучшій уставъ даетъ при формальномъ примѣненіи результаты плохіе; и устарѣлый уставъ, если его примѣнять, постоянно имѣя въ виду мѣсто *идь*, время *когда*, непріятеля, *противъ котораго* деремся, — даетъ результаты хорошіе. Всякій уставъ заключаетъ въ себѣ всегда больше чѣмъ нужно для боя; нужно только знать, что изъ него взять и примѣнить, а слѣдовательно, при надобности, и *видоизмѣнить*. Все дѣло, слѣдовательно, въ *характеръ требованій*, а не въ уставъ. Еще Петръ Великій предостерегалъ, что нельзя держаться устава «яко слѣпой стѣны»: ибо, поясняя оны, «въ уставѣ порядки писаны, а случаевъ нѣтъ.» Играло ли у насъ роль при пользованіи уставомъ это гениальное указаніе — предоставляемъ судить всякому знакомому съ дѣломъ. Что это такъ, достаточно указать на части въ родѣ 4-й Стрѣлковой бригады, которыя учились вѣдь по одному со всѣми прочими уставу, а нельзя сказать, чтобы обнаружили привычки, въ бою неудобныя. Да притомъ

(¹) Послѣ устава одиночнаго обученія самая существенная.

тактика огня и не находятъ обыкновенно мѣста въ строевомъ уставѣ: это дѣло наставленій: для стрѣльбы и для дѣйствія въ бою. Мы съ намѣреніемъ останавливаемся на несправедливости этого упрека уставу, ибо отнесеніе какого-либо зла или недостатка не къ настоящей его причинѣ вызываетъ къ устраненію ихъ и мѣры, обыкновенно недостигающія цѣли.

Изысканія, сдѣланныя по стрѣльбѣ въ Австріи и Пруссіи, весьма поучительны; но результаты ихъ имѣютъ полное значеніе только при обученіи стрѣльбѣ въ мирное время; въ «Инструкцію» же, имѣющую предметомъ установить употребленіе огня въ бою, они цѣликомъ перейти не могутъ. Во-первыхъ, при наступленіи, иногда не представится и одного случая для залповъ до самаго столкновенія; во-вторыхъ, подступая къ позиціи, иногда возникаетъ необходимость открыть огонь съ дальняго разстоянія для того, чтобы вызвать огонь непріятели и по этому судить, хотя приблизительно, о его расположеніи. Въ подобномъ случаѣ что же дѣлать? Ничего другого не остается, какъ выслать рѣдкую цѣпь и открыть *одиночный* огонь, руководствуясь иногда самыми невѣрными признаками о мѣстѣ расположенія противника, слѣдовательно не рассчитывая на мѣткость. Въ-третьихъ, легко сказать, что до сближенія на 800 шаговъ одиночнаго огня не открывать; а если противникъ открываетъ его по васъ, начиная съ 2,000 (¹) шаговъ, и въ то же время не выставляетъ цѣлей для залповъ, тогда что дѣлать? Мы полагаемъ одно: и самимъ открыть одиночный огонь; по крайней мѣрѣ противникъ не будетъ стрѣлять такъ хладнокровно по насъ, какъ стрѣлялъ бы по беззащитной цѣли; возможно же меньшій расходъ патроновъ достигается при этомъ высылкой *рѣдкой* цѣпи. Беречь патроны можно и должно; но люди имѣютъ болѣе права на сбереженіе, чѣмъ патроны.

И такъ сразу видно, что могутъ быть боевыя положенія, и не рѣдкія, гдѣ залпы на дальнія разстоянія невозможны, а одиночный огонь необходимъ; и, обратно, что не все неизбежное въ бою слѣдуетъ вводить въ мирное обученіе. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, обнаруживается антагонизмъ между приѣмами мирной подготовки вооруженной силы и употребленіемъ оной въ бою; антагонизмъ, который постоянно нужно имѣть въ виду при выработкѣ всяческихъ наставленій для войскъ: по подготовленію ихъ, съ одной стороны, по употребленію, съ другой. Не всякій приѣмъ, годный въ подготовкѣ, можетъ быть цѣликомъ перенесенъ въ употребленіе; и не все то, что необходимо при употребленіи, годится въ подготовку. Этотъ антагонизмъ—не натяжка;

(¹) Иногда даѣе.

сомнѣвающихся просимъ обратить вниманіе на то, что онъ коренится въ противорѣчій характера подготовки и употребленія войскъ: актъ подготовки есть актъ развитія, возможнаго сохраненія силы; актъ употребленія есть всегда, неизбежно и неминуемо, актъ большаго или меньшаго истребленія ея...

Если это вѣрно, то вѣрно и то, что въ «Наставленіи для учебной стрѣльбы» можно сказать прямо и рѣшительно: залпъ на всѣ разстоянія, одиночный огонь до 800 шаговъ и не дальше; но въ «Наставленіи для боя» этого такъ рѣшительно далеко сказать нельзя.

Что касается огня опредѣленнымъ числомъ патроновъ, то, по нашему мнѣнію, ему не слѣдуетъ давать мѣста ни въ боевомъ, ни въ учебномъ наставленіи: относительно залповъ и одиночнаго огня это новый видъ огня только по звуку; въ дѣйствительности же это та же одиночная стрѣльба, только торопливая, беспорядочная, и притомъ безконтрольная, ибо повѣрить дѣйствительно ли солдатъ остановится на назначенномъ числѣ патроновъ, невозможно.

Доводы «Записки» въ пользу этого огня не убѣдительны; главнѣйшій изъ нихъ тотъ, что огонь опредѣленнымъ числомъ патроновъ предлагается для случаевъ, когда трудно выдерживать залпы; но въ такихъ случаяхъ еще труднѣе добиться, чтобы солдатъ велъ счетъ патронамъ, которые будетъ назначено выпустить. Слѣдовательно, это будетъ только лишній поводъ къ безтолковой трескотнѣ, которую такъ трудно бываетъ остановить.

Въ числѣ доводовъ есть также ссылка на то, что этотъ огонь принятъ въ арміяхъ германской, австрійской и французской. Это ничего не доказываетъ, при современныхъ шатаніяхъ по вопросамъ огня, кромѣ того развѣ, что тамъ не рѣшаются по рутинѣ отказаться отъ пальбы рядами и замѣнили ее сначала Schnellfeuer'омъ, а теперь пытаются замѣнить пальбою опредѣленнымъ числомъ патроновъ. И притомъ ссылка на чужія арміи не аргументъ: мало ли чего мы не дѣлали по примѣру западной Европы такого, отъ чего потомъ приходилось отказываться, или, не отказываясь, придерживаться съ явнымъ ущербомъ для дѣла? Примѣръ картечницъ у всѣхъ въ свѣжей памяти; предпочтеніе деревяннымъ ножнамъ желѣзныхъ, въ которыхъ оружіе не можетъ быть острымъ, также всѣмъ извѣстно. Если бы мы, не увлекаясь примѣромъ западной Европы, ограничились единственнымъ бывшимъ у насъ родомъ регулярной кавалеріи, т. е. драгунами, въ которыхъ мало по малу обращаются теперь всѣ роды ея, то было ли бы это дурно или хорошо? Говоримъ это не въ судъ или осужденіе, но дабы показать, что фактъ существованія какого

либо приема или учреждения у другихъ самъ по себѣ ничего еще не значить; а значать доводы, въ силу коихъ существуетъ приемъ или учреждение: если доводовъ дѣйствительно серьезныхъ не оказывается, а есть только имѣющіе кажущуюся основательность, лучше воздержаться отъ подражанія.

Не можемъ согласиться и съ тѣмъ, будто указаніе цѣлей, по ка-кимъ стоитъ стрѣлять въ бою на различныхъ дистанціи, должно находить мѣсто не въ «Наставленіи для боя», а въ учебномъ наставленіи для стрѣльбы: это чисто боевое указаніе. Ссылка на то, будто для этого нужно произвести еще спеціальныя опыты, имѣетъ только видимую основательность: опыты производятся ежегодно, въ громадныхъ размѣрахъ, и данныя ихъ публикуются: это результаты учебной стрѣльбы.

На основаніи объясненныхъ двухъ причинъ (предполагаемой устарѣлости устава и австро-германскихъ изслѣдованій о свойствахъ огня скорозаряжаемыхъ ружей) комитетъ положилъ:

1) Указать способы широкаго примѣненія въ бою рассыпнаго строя, сохраненія огня въ рукахъ начальниковъ цѣпи и такого управленія цѣпью, которое дисциплину въ ней приблизило бы къ дисциплинѣ сомкнутаго строя.

2) Указать способы уменьшенія потерь отъ огня и средства предупрежденія, *хотя бы въ началѣ боя*, пережѣшивания людей, сдѣлавшагося неизбѣжнымъ къ концу болѣе или менѣе продолжительнаго боя, будто бы вслѣдствіе широкаго примѣненія дѣйствій густыми цѣпями.

Что до широкаго примѣненія въ бою рассыпнаго строя, то въ этомъ комисія дальше устава идти не можетъ, ибо и онъ допускаетъ рассыпаніе хоть цѣлой роты, т. е. не оставляя сомкнутаго резерва. Единственное и, по нашему мнѣнію, нераціональное измѣненіе въ нормахъ устава, предлагаемое комисією, заключается въ томъ, чтобы сразу высылать густыя цѣпи. Если припомнимъ, что она вмѣстѣ съ тѣмъ не признаетъ одиночнаго огня ранѣе сближенія съ противникомъ на 800 шаговъ, то и окажется, что эти густыя цѣпи при наступленіи будутъ имѣть только одно послѣдствіе—увеличеніе потерь отъ огня неприятельскаго, т. е. находятся въ прямомъ противорѣчій съ желаніемъ комитета указать способы уменьшенія таковыхъ потерь.

Мотивировано это предпочтеніе густымъ цѣпямъ тѣмъ, что усиленіе цѣпи подъ огнемъ въ сферѣ сильнаго ружейнаго огня ведетъ къ большимъ потерямъ въ усиливающихъ частяхъ. Во-первыхъ, никто не мѣшаетъ эти части вводить въ цѣпь рассыпанными; во-вторыхъ, опасеніе это имѣло бы тогда основаніе, если бы резервы до конца боя

не перемѣняли мѣста; но вѣдь рано или поздно, а неминуемо, они пройдутъ то же самое пространство, которое прошли бы для усиленія цѣпи; и немного ранѣе, немного позже пройти его—не все ли это равно? Или можетъ быть непріятель по усиливающимъ цѣпь частямъ стрѣляеть, а по наступающимъ резервамъ нѣтъ? Въ-третьихъ, изъ двухъ неудобствъ: идти безъ выстрѣла въ густой цѣпи подь огнемъ противника не менѣе 1,200 шаговъ (т. е. отъ 2,000 до 800 шаговъ), дабы избѣжать усиленія ея въ 600—500 шагахъ отъ непріятеля, или же идти въ рѣдной цѣпи со стрѣльбой и затѣмъ усилить ее въ 500—600 шагахъ, хотя бы и рискуя понести потери,—всѣ бывшіе въ дѣлѣ на вѣрное предпочтутъ послѣднее. Предпочтутъ тѣмъ болѣе, что въ дѣлѣ цѣпь иногда залегаетъ такъ, что и подвять-то ее можно не иначе, какъ усиливъ свѣжею частью. Слѣдовательно, воображать, будто усиленіе цѣпи подь дѣйствительнымъ огнемъ можно устранить есть не болѣе какъ мечта неосуществимая.

И такъ, съ какой стороны ни разбирать предложеніе сразу высызть густую цѣпь, оно, по нашему мнѣнію по крайней мѣрѣ, кромѣ невыгодъ, ничего не представляетъ; мы полагаемъ даже, что при этомъ предложеніи имѣлось горавдо болѣе въ виду оставленіе людей въ привычномъ порядкѣ, нежели какія либо соображенія, выведенныя изъ тщательнаго анализа боевыхъ явленій.

Комитетъ, очевидно, придаетъ большое значеніе соблюденію сказаннаго порядка; мы же не придаемъ ему никакого значенія, и не придаемъ потому, *что въ боевой линіи соблюденіе его является не болѣе какъ исключеніемъ, да и то мимолетнымъ.* Нужно припомнить, что этотъ порядокъ нарушаютъ, во-первыхъ, потери не только въ людяхъ, но, что важнѣе, въ начальникахъ; ибо не важно, если чело-вѣкъ не придется на своемъ привычномъ мѣстѣ въ цѣпи, но весьма важно, командуетъ ли имъ *его* отдѣленный, заводный, или же *чужой*. Соблюденію этого важнѣйшаго условія непріятельскія пули и гранаты ставятъ препоны неодолимыя. Во-вторыхъ, напрасно думаютъ, будто перемѣшиваніе людей сдѣлалось неизбѣжнымъ вслѣдствіе широкаго приложенія дѣйствій густыми цѣпями; вовсе нѣтъ: *это всегда было и всегда останется нормальнымъ характеристическимъ явленіемъ боя.* Если это было забыто, то просто вслѣдствіе увлеченія стройностью движенія, т. е. желаніемъ во что бы то ни стало, вездѣ и всегда, соблюсти привычный порядокъ. Разумѣется, въ бою этого все-таки не достигали; и выходило, что людей въ мирное время учили вѣсье не тому, что ихъ ожидало въ военное. Поддержки, вступая въ боевую линію, не могутъ не перемѣшаться съ людьми, ее составляю-

щими. Въ бою переимчиваются не роты, а баталіоны, полки, дивизіи, иногда корпуса. Вотъ нормы, общее правило; а сохраненіе привычнаго порядка, какъ уже сказано, исключеніе и притомъ мимолетное. Если это такъ, то мы недоумѣваемъ, отчего такая забота объ исключеніи, и такое невниманіе къ общему и неизбѣжному? Мнѣ кажется рациональнѣе выдерживать и людей, и начальниковъ такъ, чтобы они были готовы болѣе къ послѣднему, нежели къ первому. Усиливаясь внушить имъ заботу о возможности сохраненія того, что разлетается впрахъ почти при первомъ выстрѣлѣ, мы намѣренно приготавливаемъ имъ самую грустную неожиданность почти съ первымъ шагомъ въ бой.

И потому полагаемъ, что способъ усиленія цѣпи, установленный нашимъ уставомъ рациональнѣе, нежели забота о соблюденіи недостижимаго привычнаго порядка; слѣдовательно, этого способа лучше не трогать, а упрочить его тѣмъ, чтобы воспитывать всѣхъ начальниковъ, начиная съ отдѣленныхъ, въ той мысли, что они командиры не только извѣстныхъ людей, но еще прежде и главнѣе, извѣстнаго участка позиціи, т. е. должны требовать повиновенія отъ людей, попавшихъ на ихъ участокъ, къ какой бы части тѣ ни принадлежали; и добиваться отъ нихъ повиновенія во что бы то ни стало. Возстановленіе значенія начальниковъ мелкихъ подраздѣленій въ строю, къ которому стремится и комитеть, и въ чемъ онъ встрѣтитъ полное сочувствіе во всѣхъ понимающихъ дѣло,—вотъ основа соблюденія порядка, въ бою возможнаго; порядка, заключающагося не въ томъ, чтобы мысль каждаго солдата была развлекаема заботою о сохраненіи своего мѣста по строевому расчету, а въ томъ, чтобы онъ дѣлалъ свое дѣло, куда бы ни попалъ, и слушался бы того, къ кому подъ команду попалъ.

Остановка послѣ атаки, подъ предлогомъ приведенія части въ порядокъ, отстайваемая «Объяснительною запискою», представляетъ совѣтъ, укорененіе коего въ понятіяхъ войскъ нежелательно. Думаемъ такъ потому, во-первыхъ, что этотъ совѣтъ отвѣчаетъ затаенной мысли всякаго исполнителя (1) остановиться скорѣе раньше, чѣмъ позже. Во-вторыхъ, стремленіе впередъ послѣ удачи имѣетъ неодолимую силу; правда, мы разстроены; но непріятель, котораго мы сбили, разстроены еще больше: остановимся устраиваться мы, вѣдь онъ сдѣлаетъ то же самое. Позволить ему этого нельзя, не должно.

Мы бы поняли остановку, если бы «Инструкція» имѣла въ виду большіе отряды; но вѣдь она далѣе дѣйствій роты и баталіона не идетъ. Если у насъ, атакующихъ, рота или баталіонъ, то у непріятеля, кото-

(1) Бываютъ исключенія; но «Уставы» и «Наставленія» должны имѣть въ виду большинство, а не исключенія.

рый противъ нихъ оборонялся, силы такія же, а можетъ и меньшія (1); и предполагать у него резервъ, когда у насъ его нѣтъ, въ этомъ случаѣ значить просто создавать себѣ призракъ и передъ ними оставиваться.

И потому для мелкихъ частей обратный принципъ будетъ вѣрнѣе: *чѣмъ часть, отдѣльно дѣйствующая, меньше, тѣмъ она должна дѣйствовать рѣшительнѣе до атаки и еще болѣе рѣшительно послѣ оной*. Такая постановка вопроса обусловливается именно современной силой огня, вслѣдствіе которой атакующій можетъ наверстать свои потери только безостановочнымъ преслѣдованіемъ сбитаго противника. Разстройство же части послѣ атаки можно устранить тѣмъ, если послѣ всякой атаки въ мирное время, первое вниманіе будетъ обращено прежде всего на то, чтобы часть немедленно приходила въ порядокъ. Суворовскій приемъ сквозныхъ атакъ тѣмъ и великъ, что притягиваетъ вниманіе не только начальниковъ, но и людей къ возстановленію порядка немедленно послѣ атаки.

Отказаться отъ преслѣдованія можно только въ двухъ случаяхъ:

1) Если за выбитою частью открываются свѣжія силы; но, какъ уже сказано, этотъ случай къ разбору дѣйствій роты или баталіона не идетъ, хотя и можетъ быть оговоренъ, какъ исключеніе, отбѣняющее общее положеніе.

2) Если позиція такъ важна, что овладѣніе ею и удержаніе въ нашей власти составляли единственную цѣль атаки. Въ этомъ случаѣ начальникъ передъ атакою предупреждаетъ людей, чтобы они, взявъ позицію, утвердились на ней, не увлекаясь преслѣдованіемъ.

Предложеніе останавливаться послѣ удачной атаки «Объяснительная записка» подкрѣпляетъ ссылкой на слова покойнаго генерала Геймана: «когда атакующій пунктъ занятъ, то *переднія* (нашъ курсивъ) атакующія войска такъ будутъ разстроены, что дальнѣйшее преслѣдованіе *ими* (курсивъ записки) непріятеля будетъ не только бесполезно, но и вредно». По нашему мнѣнію, изъ приведенныхъ словъ ясно видно, что генераль Гейманъ разумѣлъ силы больше одного баталіона, ибо если онъ говорилъ о *переднихъ*, то значить предполагать существованіе и *заднихъ*. Слѣдовательно, эта ссылка къ дѣлу не идетъ.

«Объяснительная записка» возстаетъ противъ отступленія перербѣжками (2) по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) такой способъ отсту-

(1) Если бы онъ были больше, чѣмъ у насъ, тогда, вѣроятно, онъ бы наступалъ, а мы бы оборонялись.

(2) Не подъ непосредственнымъ натискомъ непріятеля.

пленія будто бы замедляетъ его. Это не вѣрно, ибо скорость движенія при этомъ не будетъ менѣе скорости наступленія непріятеля, а большаго и не требуется. Но если отступать шагомъ, да еще безъ стрѣльбы, — какъ то пытается установить «Инструкція», — а непріятель будетъ наступать перебѣжками, то онъ, конечно, насъ нагонитъ: *нагонитъ тѣмъ легче, что главное, что его удерживаетъ на почтительномъ отъ насъ разстояніи, т. е. стрѣльба, не допускается «Инструкціею» при отступленіи.*

2) «Отступленіе можетъ легко (?) обратиться въ отступленіе всею цѣпью, вопреки распоряженію начальства, — слѣдовательно, въ отступленіе безпорядочное». Это предположеніе, высказанное въ «Объяснительной запискѣ» такъ категорически, не опирается ни на факты, ни на доводы. Почему отступленіе можетъ начаться всею цѣпью вопреки начальству, *если оно исполняется не подъ натискомъ*, а люди хоть во чтонибудь ставятъ начальство, недоумѣваемъ. Мы знаемъ, напротивъ, тотъ фактъ, что люди въ бою имѣютъ склонность исполнять то, что имъ обращено въ рутину въ мирное время; знаемъ и то, что при всѣхъ трудныхъ движеніяхъ (а отступленіе самое трудное изъ нихъ) всегда слѣдуетъ исполнять ихъ подъ прикрытіемъ части, остающейся на мѣстѣ — это единственный залогъ на успѣхъ; и что въ ротѣ это условіе исполнимо только однимъ способомъ, т. е. отступленіемъ цѣпи не иначе, какъ по частямъ и, слѣдовательно, принятіемъ перебѣжекъ, дабы скорость нашего движенія была не меньше непріятельской.

Принявъ это въ расчетъ, станетъ ясно, что изъ способовъ отступленія, предлагаемыхъ комитетомъ, первый дѣйствительно можетъ повести къ безпорядочности, ибо всѣ отступаютъ разомъ, да еще безъ стрѣльбы; а второй (занимать позицію въ тылу и на нее отступать) можетъ быть примѣненъ не менѣе какъ въ баталіонѣ; но и въ этомъ случаѣ отступать перебѣжками, а иногда даже бѣгомъ⁽¹⁾, выгодно: резерву — для того, чтобы скорѣе занять новую позицію; боевой части — для того, чтобы быстрѣе очистить фронтъ этой позиціи. По крайней мѣрѣ этотъ «непрактичный» способъ отступленія рекомендуетъ Бюжо; и рекомендуетъ не изъ головы, а изъ опыта войны на Пиренейскомъ полуостровѣ. А Бюжо человекъ весьма авторитетный именно въ деталяхъ пѣхотной работы.

Но отстаивая отступленіе перебѣжками, мы этимъ не хотимъ сказать, что иначе какъ перебѣжками и отступать нельзя. Конечно, *если непріятель наступаетъ вяло*, намъ нѣтъ резона утомлять людей

(1) Просимъ помнить, что мы все время говоримъ объ отступленіи *не подъ натискомъ противника.*

перебѣжками, а слѣдуетъ отступать шагомъ; но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ не иначе какъ со стрѣльбой, т. е. не всѣмъ разомъ, а участками.

Разобравъ записку, мы разобрали и главныя положенія «Инструкціи», и потому собственно объ этой послѣдней намъ остается сказать нѣсколько словъ. Въ виду того, что она имѣетъ чисто практическій характеръ, т. е. назначается для руководства войскамъ при обученіи и дѣйствіи, а не есть теоретическое изслѣдованіе, редакція ея оставляетъ желать многого. Въ такой работѣ точность и ясность указаній первое дѣло; а общія разсужденія въ большей части случаевъ не даютъ войскамъ ни малѣйшаго, сколько нибудь полезнаго указанія. Кромѣ того, вопросы мирной подготовки должны быть отдѣлены отъ боевыхъ указаній и развиты такъ, чтобы всякій желающій могъ уразумѣть не только то, *что* нужно дѣлать, но и *какъ* дѣлать. Съ этой точки зрѣнія «Инструкція» представляетъ трудъ далеко неполный.

О *подготовкѣ начальниковъ* сказано, чѣмъ они должны быть; но и намекъ нѣтъ на то, какъ сдѣлать, чтобы они таковыми стали; пропущено даже такое существенное указаніе, что для постановки каждаго начальника на должную ногу, при мирныхъ занятіяхъ необходимо, чтобы ротный командиръ распоряжался ротою въ строю не иначе, какъ черезъ взводныхъ; взводный распоряжался взводомъ не иначе какъ черезъ отдѣленныхъ. А между тѣмъ это единственное средство воспитать тѣхъ и другихъ въ боевомъ смыслѣ, т. е. вывести изъ того пассивно-безучастнаго положенія, къ которому они теперь приведены въ строю. Это тѣмъ болѣе важно, что именно по этой части у насъ водворились привычки гораздо болѣе вредныя и опасныя, нежели тѣ, на которыя указываетъ «Объяснительная записка»: кому неизвѣстно, что приказанія въ большинствѣ частей всегда отдаются, минуя этихъ посредствующихъ начальниковъ? И кто не согласится, что такой способъ передачи фактически отрицаетъ значеніе помянутыхъ начальниковъ?

Относительно *подготовки частей* мы находимъ только летучія указанія о необходимости на мирныхъ ученьяхъ переимѣшивать иногда людей, практиковать замѣну начальниковъ, давать при движеніи точку направленія впереди; но какъ это дѣлать—не сказано ни слова. А между тѣмъ, все это вещи совершенно новыя, совершенно идущія въ разрѣзъ установившейся рутинѣ: дабы и ихъ обратить въ рутину, нужны указанія, на столько наглядныя, чтобы ихъ могъ примѣнить на ученьяхъ если не всякій, то хоть человекъ съ толкомъ и доброй волей. Если подобныхъ указаній не сдѣлать, все написанное такъ и

останется написаннымъ только. Не можемъ не замѣтить, что даже и сдѣланныя указанія имѣютъ чисто случайный характеръ: весьма многое изъ приѣмовъ мирнаго обученія, не менѣе, если не болѣе, важное попавшаго въ инструкцію, пройдено молчаніемъ, какъ: приемы подготовки къ атакѣ пѣхоты и ко встрѣчѣ конницы.

Но отсутствіе обстоятельныхъ указаній относительно мирной подготовки можетъ быть вознаграждается обстоятельной выработкой боевыхъ указаній? Къ сожалѣнію, и этого сказать нельзя. Есть неточности и недомолвки, могущія подать поводъ къ недоразумѣніямъ; есть важнѣйшія указанія, которыя высказаны въ такой общей формѣ, что не могутъ врѣзаться въ сознание.

Такъ, на первой же страницѣ (34-я, «Воен. Сборн.») (1) находимъ: «Для обезпеченія отъ нечаяннаго нападенія на *фланги*, въ сторону открытыхъ фланговъ высылаются небольшіе *патрули*.... подъ «открытыми флангами» принято всѣми разумѣть открытую мѣстность на флангахъ; а подъ «закрытыми» — закрытую, т. е. лѣсъ, кусты, волнообразную мѣстность и т. п. Выходить, слѣдовательно, по «Инструкціи», что патрули не высылаются именно на тѣ фланги, которые освѣтить нужнѣе всего. Предлагаемъ читателю представить себѣ мысленно: къ чему можетъ привести подобное указаніе въ войскахъ? Мы нисколько не сомнѣваемся ни въ компетентности членовъ комисіи, ни въ томъ, что у нихъ и въ мысли не было предлагать подобную несообразность, но останавливаемся на этомъ только для того, чтобы показать до какой степени важна строгая точность редакціи въ работѣ, предназначенной для войскъ. Подобныя работы необходимо писать такъ, чтобы ни одного слова, а тѣмъ болѣе выраженія, на двое понятъ было нельзя.

Далѣе, на стр. 54-й сказано: «Начальники строго должны слѣдить за тѣмъ, чтобы во время боя никто изъ находящихся въ строю не оставлялъ строя, подъ предлогомъ выноса раненыхъ». А подъ предлогомъ мнимой раны, подъ предлогомъ разстрѣла патроновъ можно оставлять? Эти два предлога (а ихъ можетъ быть много) показываютъ, что это, въ высшей степени важное, предписаніе выражено неполно; выражено потомъ не довольно опредѣлительно и безъ указанія на то, какъ поступить, если попадется такой, который будетъ уходить, не взирая на запрещеніе? Въ войсковой инструкціи набрасываніе покрововъ на вещи, кораблія въ спокойномъ состояніи духа, неумѣстно: нужно, чтобы всякій зналъ ясно какъ долженъ поступать; и чего долженъ ждать, если не будетъ такъ поступать.

(1) Далѣе будемъ ставить страницы «Военнаго Сборника».

Стр. 57, 58, въ статьѣ о стрѣльбѣ съ неодинаковой установкой прицѣловъ, какъ и вообще въ стрѣльбѣ залпами на дальнія разстоянія, упущено довольно важное условіе, безъ котораго эта стрѣльба обращается въ турецкую: именно, чтобы была опора ружью.

Въ наступленіи резерва упущено указаніе на пользу перебѣжекъ отъ закрытія къ закрытію группами, а не всѣмъ сомкнутымъ строемъ разомъ.

Нигдѣ не оговорено о возможно осмотрительномъ расходованіи резерва; а это крайне необходимо при современномъ стремленіи къ тому, чтобы поскорѣе «растаять» въ цѣпи. И нужно пояснить, почему важно такое сбереженіе резерва; распространиться объ этомъ не только умѣстно, но необходимо: ибо распространяться, наиримѣръ, о силѣ современнаго огня, о «трудности» наступленія и отступленія, — безполезно; это всякій уразумѣетъ и безъ объясненія; да притомъ «Инструкція» имѣетъ въ виду научить преодолевать эти трудности, а не пугать ими войска; а распространиться о важности сбереженія резерва необходимо потому, что это знаютъ весьма немногіе; всякаго, напротивъ, тянетъ и самого попасть поскорѣе въ цѣпь и забыться въ шумѣ и суматохѣ непосредственнаго участія въ бою (').

(') Тутъ дѣло въ томъ, чтобы вооружить человѣка на борьбу со своими собственными инстинктами въ тѣхъ случаяхъ, когда инстинкты тянутъ его сдѣлать прямо противоположное тому, что нужно для дѣла. Это предполагаетъ необходимость яснаго въ войсковой инструкціи указанія на тѣ проявленія дѣятельности Воли, въ которыхъ она должна подавлять инстинктъ самосохраненія, подталкивающей умъ на разныя некрасивыя рѣшенія. Возьмемъ, наиримѣръ, положеніе: «современный огонь страшенъ, слѣдовательно достиженіе указываемыхъ цѣлей теперь трудно и иногда невозможно»; обращаясь къ войскамъ, лучше и вѣрнѣе сказать такъ: «достиженіе указанной цѣли для войскъ всегда возможно, какъ бы огонь ни былъ страшенъ». Кажется и тема одна, и слова тѣ же; но какая громадная разница въ смыслѣ отъ того или другого уклада словъ въ фразѣ! Въ первомъ укладѣ вниманіе притягивается къ страхамъ и затрудненіямъ, а цѣль оттѣняется на задворки; во второмъ цѣль становится на подобающую ей высоту, а затрудненія отводятся, какъ и должно, задворки. И намъ ли, перевалившимъ Альпы, Балканы, полонившимъ безъ артиллеріи, съ меньшими силами, шпакинскую армію, не признавать вѣрности и предпочтительности послѣдней редакціи передъ первой? Не даромъ нашъ великій народъ создалъ глубокую въ своей непосредственной мудрости поговорку: «глазамъ страшно, рукамъ не страшно». Человѣкъ расположенъ обыкновенно все мѣрять по себѣ, т. е. прилагать къ массовымъ явленіямъ точку зрѣнія, которая вѣрна только въ приложеніи къ индивидууму, да и то не всегда. Положимъ, онъ добивается въ одиночку какой либо боевой цѣли; его убили, дѣло кончено, цѣль не достигнута: отсюда выводъ, что «прогнѣвъ огня ничего не по-дѣлаешь». Но въ массѣ не то: ибо убить человѣка можно, но убить не только большой отрядъ, а и роту даже, нельзя. Во всякомъ человѣкѣ есть запасъ такой страшной силы, о которой онъ и не подозреваетъ, пока не поставленъ въ необходимость ее проявить: доказательство этому — нервно больные; ихъ, безсильныхъ въ обыкновенномъ состояніи, не могутъ удержать три-четыре сильныхъ

Во *встрѣчѣ кавалеріи* не оговорено важнѣйшаго, именно того, что дѣлать въ случаѣ прорыва; не оговорено также, что, встрѣчая конницу, нужно перемѣнить фронтъ перпендикулярно направленію атаки; иначе невозможно будетъ стрѣлять. Не оговорено, что дистанціи 400 и 240 шаговъ для частей, на которыя непосредственно идетъ атака,—предѣльныя; а лучше подпускать конницу на 200 и даже 150 шаговъ и затѣмъ давать залпъ.

Въ статьѣ «*прикрытіе артилеріи и атака ея*» оговорены обязанности пѣхоты при расположеніи на мѣстѣ и при атакѣ на артилерію; а о томъ, что пѣхота должна дѣлать относительно артилеріи на ходу, ничего не сказано. «Объяснительная записка» говоритъ, что комисія ограничилась этимъ, *не касаясь* совокупныхъ движеній пѣхоты и артилеріи. Почему она полагала, что рота и баталіонъ при расположеніи на мѣстѣ должны знать свои обязанности относительно артилеріи, а на ходу нѣтъ—пройдено молчаніемъ. Мы съ своей стороны полагаемъ, что подобное раздѣленіе предмета, по существу составляющаго одно цѣлое, основанія не имѣетъ.

Къ концу «Инструкціи» приложенъ «*очеркъ наступленія и атаки*», что весьма цѣлесообразно. Конечно, въ немъ повторена погрѣшность, существующая и въ «Инструкціи», будто при сближеніи съ неприятелемъ на 800 шаговъ цѣпь должна имѣть уже свою окончательную густоту, что, какъ выше объяснено, не отвѣчаетъ происходящему въ бою. Кромѣ того, въ послѣднемъ пунктѣ не отгѣнено: когда бой «наступленіе» долженъ переходить въ бой «къ атакѣ». А это отгѣнить необходимо, и даже съ нажимомъ, ибо въ войскахъ часто смѣшиваютъ эти два боя.

Этотъ «очеркъ» названъ приложеніемъ къ «Инструкціи для дѣйствія пѣхоты въ *разсыпномъ стропѣ*», что, по недосмотру конечно, не отвѣчаетъ заголовку самой «Инструкціи».

Не можемъ не замѣтить также, что не видимъ причины прибѣгать къ иностранному слову «Инструкція», когда есть совершенно отвѣчающее ему русское «Наставленіе».

Въ заключеніе считаемъ дѣломъ настоятельной необходимости подумать о разграниченіи «Строевыхъ Уставовъ» отъ наставленій. Въ этихъ работахъ желательно бы было встрѣчать строгое разграниченіе въ томъ смыслѣ, чтобы уставныя правила не попадали въ наставленія и обратно; чтобы приемы мирной подготовки къ бою не перемѣшива-

человѣка во время припадка. Этого силу, непостижимую и игнорируемую въ спокойномъ состояніи, и нужно помнить въ войсковыхъ инструкціяхъ и говорить о ней, ибо сама она нѣма: ея языкъ—дѣла.

лись съ чисто боевыми указаніями. Въ разобранной Инструкціи встрѣчаются данныя всѣхъ трехъ категорій въ перемежку; такъ, напримѣръ, правила наступленія и отступленія цѣпи—уставная данная; правило о наблюденіи за тѣмъ, чтобы никто не оставлялъ рядовъ во время боя—чисто боевое указаніе; совѣты перемѣшивать на ученьяхъ людей, мѣнять начальниковъ, и тому подобное, относятся прямо къ мирной подготовкѣ войскъ.

М. Драгомировъ.